

Глава 25. Чёрная роза 24

В ту ночь лунный свет был особенно прекрасен — чистым, белым и удивительно нежным.

Извивающиеся шипы втянули свои жала, проникая в пещеру, подобно змеям, вторгающимся в неведомые земли, — осторожно и осмотрительно, преисполненные желания разведать обстановку.

Небо будто собиралось обрушиться дождём.

В воздухе уже чувствовался лёгкий запах влаги, а удушающая летняя жара, растекаясь между деревьями, навевала тяжёлую духоту.

Как только разведывающие шипы отступили, дождь и вправду хлынул.

Сначала — редкими каплями, потом — мелкой моросью, а вскоре стал нарастать, превращаясь в настоящий ливень.

Капли стучали по листьям, отбивая по всему миру ритм — звонкий, но приглушённый, и каким-то странным образом усыпляющий.

Дождь повис сплошной, плотной завесой.

Разве что прогноз погоды редко бывает точен.

Даже если весь день обещают ясным, никогда не угадаешь, какой ветер нагонит ливень, что будет лить всю ночь без перерыва. Но если повезёт, к утру, когда офисные работники отправятся на службу, дождь таки прекратит хлестать по земле.

В такие моменты обычно наступает кратковременная прохлада, и, если солнце не покажется, это просто замечательно.

Жаль, что вчерашний дождь так и не подарил сегодняшнему дню ни капли свежести.

Солнце вскоре пробралось сквозь щель в шторах — тихо, ненавязчиво напоминая, что пора просыпаться.

Но Чэнь Шаньвань заснул лишь недавно.

Всю прошлую ночь его мысли металась в беспокойстве — он ворочался до самого рассвета, и даже когда наконец навалилась усталость, сон всё не шёл.

Лишь под утро, исчерпав последние силы, он наконец провалился в глубокий, тяжёлый сон.

Его голова покоилась на руке Юй Суя, тело полностью утонуло в его объятиях, а дыхание стало ровным и глубоким.

Юй Суй, которому сон был не нужен, не собирался никуда уходить. Он с таким трудом убаюкал этого человека и теперь просто прижимал его к себе, закрыв глаза и вбирая в себя всё его естество.

Температуру.

Дыхание.

Сердцебиение.

Он ещё никогда не чувствовал себя таким удовлетворённым.

Пальцы Юй Суя скользнули в волосы Чэнь Шаньваня, зацепив прядь, прикрывавшую уши. На мгновение открылись подозрительные следы на коже, но тут же снова скрылись, словно за тяжёлой завесой.

Полускрытые, полуоткрытые.

Когда Чэнь Шаньвань наконец проснулся, оказалось, что он провалялся без сознания почти полсуток.

Глаза он открыл лишь ближе к ужину — растерянно, будто его вытащили из глубокой воды. Всё тело ныло, будто перестало ему принадлежать.

Первым, что он почувствовал, была ломящая усталость.

Даже в те времена, когда на выпускных экзаменах приходилось бежать километр, подтягиваться на перекладине и до изнеможения гонять волейбольный мяч, было не так плохо.

Его лоб упирался в плечо Юй Суя, и даже самый тихий выдох — беззвучный, едва уловимый —

был пропитан изнеможением.

Юй Суй заговорил — тихо, сдержанно, но в его голосе явственно слышалась вина. И не без причины, в первый раз его техника оставляла желать лучшего, а нетерпеливый порыв только усугубил всё. Чэнь Шаньваню и правда показалось тогда, что он вот-вот испустит дух.

— Ты голоден?

Чэнь Шаньвань не хотел ни говорить, ни кивать.

К счастью, Юй Суй и так мог читать его мысли:

— Я приготовлю тебе поесть.

Так он сказал, но не отпустил его и даже не пошевелился.

Чэнь Шаньвань даже глазом не повёл, его охрипший, неузнаваемый голос прошипел слова, не раз сказанные прошлой ночью:

— Катись.

Но прозвучало это совсем слабенько.

Юй Суй тихо рассмеялся, но всё же нехотя отпустил его. Поднимаясь, он наклонился и оставил лёгкий поцелуй между бровей Чэнь Шаньваня, а затем почти незаметно поправил сползшее одеяло, аккуратно укрыв шею — и заодно скрывая все следы, оставленные его неутолимой жаждой обладания, тянущиеся вниз по коже.

Настоящее страусиное поведение.

Ведь Чэнь Шаньвань и так всё прекрасно видел.

Вообще, Чэнь Шаньвань ещё хотел спать, но после ухода Юй Суя дремоту как рукой сняло.

Он лежал с закрытыми глазами, ресницы дрожали, будто пытаясь вырваться из сна, — и лишь с усилием он смог приподнять веки.

Юй Суй, уходя, ещё плотнее задёрнул шторы, и в комнате воцарился мягкий полумрак. Но даже сквозь ткань было ясно, что на улице стояла чудесная погода.

Чэнь Шаньвань слегка шевельнул ногой, и в тот же миг, когда на него обрушился водопад чужих, непривычных ощущений, он застыл, онемев от неожиданности.

Вообще, Чэнь Шаньвань не то чтобы сердился, он просто считал, что Юй Суй уж слишком разошёлся, но, если подумать, этот холостяк пробыл один двадцать девять лет... Хм, пожалуй, это можно понять?

Чэнь Шаньвань всегда проявлял снисходительность в самые неподходящие для этого моменты.

Двигаться он не мог, поэтому просто лежал, пока Юй Суй не поднялся к нему спросить, будет он ужинать внизу или в комнате, и тогда он жестом попросил Юй Суй отнести его умыться.

Юй Суй обожал его великодушие и искренность, но, конечно, если бы Чэнь Шаньвань сейчас закатил сцену, он тоже показался бы ему милым.

Короче говоря, что бы ни делал Чэнь Шаньвань, «он» бы его обожал.

С улыбкой Юй Суй наклонился, поднял его и отнёс к умывальнику, где Чэнь Шаньвань наконец увидел своё плачевное состояние.

Чэнь Шаньвань: «...»

Может, всё-таки стоит немного позлиться?

И как раз в этот момент Юй Суй выдал:

— Сможешь стоять сам?

Чэнь Шаньвань промычал:

— Мгм.

И это не было бравадой — стоять он как-раз-таки мог.

Хоть ноги и поясница ныли просто невыносимо,

Тогда Юй Суй поставил Чэнь Шаньваня, поместив его между собой и умывальником.

«Он» не ушёл, а обнял Чэнь Шаньваня, но не переносил на него свой вес, а наоборот, давая ему опору, чтобы тому не приходилось стоять полностью самостоятельно.

Чэнь Шаньвань тоже не прогонял «его», а насчёт злости... ладно уж.

У него и правда не было привычки злиться, да и играть в показное недовольство он не любил.

Может, как и говорил Юй Суй, он и вправду тоже любил «его»?

Размышляя, Чэнь Шаньвань внезапно ощутил душевный порыв и, чистя зубы, невнятно спросил:

— Тебе не кажется, что, возможно, мы знали друг друга в прошлой жизни?

Юй Суй приподнял бровь, вспомнив своё врождённое чувство к Чэнь Шаньваню, ту глубокую, до мозга костей и до глубины души пронизывающую привязанность и любовь, что создавала врождённое притяжение Чэнь Шаньваня к «нему»:

— Возможно?

Вспомнив, что вчера Чэнь Шаньвань видел сон, и, хотя не знал, какой именно, он задумался:

— Ты вчера был не в духе, неужели из-за того, что что-то приснилось? Может... в прошлой жизни у нас была мучительная любовь?

Юй Суй искренне полагал, что у «него» и Чэнь Шаньваня, возможно, была связь, не принадлежащая этой жизни.

Потому что не только Чэнь Шаньвань, но и «он» сам не чувствовал принадлежности к этому миру, однако с детства «он» что-то искал. И лишь когда появился Чэнь Шаньвань и вырвал «его» сердце, это стремление исчезло.

А ещё была невероятно мощная душа Чэнь Шаньваня.

Когда он проглотил «его» сердце, Юй Суй, как непосредственный участник, лучше всех мог это описать.

То, что господин Ши увидел, открыв духовное зрение, было лишь верхушкой айсберга; могущество Чэнь Шаньваня, вероятно, было таково, что этому миру трудно его вместить.

Услышав это, Чэнь Шаньвань почувствовал досаду, но не потому, что считал слова Юй Суя вздором, а потому что его расстроило то, что этот тип не мог подумать о чём-то хорошем.

Чэнь Шаньвань не считал себя слабохарактерным человеком, и если бы он полюбил Юй Суя в

прошлой жизни, то не стал бы бездействовать, скрывая свои чувства.

Какая же тут мучительная любовь?

Разве что только по вине Юй Суя.

Чэнь Шаньвань, перекидывающий вину.jpg

Они немного поболтали о всяком, а после ужина, приготовленного полностью по вкусу Чэнь Шаньваня, он, прислонившись к Юй Сую, начал клевать носом.

Едва он собрался что-то сказать, как почувствовал, что пальцы Юй Суя вдруг замерли, крепко сжимая его руку.

Чэнь Шаньвань повернулся и увидел, что нежные черты лица Юй Суя вдруг напряглись, а в глазах сверкнул холодный блеск, словно он смотрел куда-то вдаль.

— ...Что такое?

— Ничего.

Выражение лица Юй Суя постепенно смягчилось, вновь обретя легкомысленно-нежный вид:

— А-Вань, может уже пора спать?

Чэнь Шаньвань безмолвно на него уставился.

В конце концов Юй Суй сдался:

— Тут один, кто занимается всякими штуками, пришёл. С тем... как его... Ши? В общем, связан с ним.

Чэнь Шаньвань вздрогнул.

Юй Суй почувствовал его напряжение, с удовольствием облизнул губы и легонько чмокнул Чэнь Шаньваня в висок:

— Ничего страшного, с ним не так уж трудно справиться.

Чэнь Шаньвань почему-то хорошо понимал его:

— Ничего страшного, значит, всё же есть некоторые трудности.

Юй Суй с лёгкой досадой вздохнул, не успев ничего сказать, как весь дом вдруг дрогнул. Эта дрожь отличалась от землетрясения или вибрации, это была именно встряска.

Чэнь Шаньвань нахмурился:

— Что это?

Юй Суй отпустил его и, поднимаясь, объяснил:

— Он разрушил мою защитную печать... Надо же, он оказался способнее, чем я думал.

Чэнь Шаньвань схватил Юй Суя за руку:

— Я пойду с тобой.

Юй Суй замер.

Он посмотрел на Чэнь Шаньваня, снаружи прозвучал громоподобный мужской голос, но он лишь прищурил глаза, сохраняя безмятежный вид, и даже легкомысленно бросил:

— А-Вань, хочешь при жизни со мной ложе разделить, а после смерти — и могилу?

Чэнь Шаньвань поднялся с каменным лицом:

— Пошли.

Юй Суй последовал за ним, даже не думая говорить что-то типа: «опасно, не ходи».

Возможно, потому что сам не был человеком, но после того как их чувства стали взаимными, а тела — едиными, идея защищать его, ценой собственной жизни, не казалась ему такой уж хорошей.

Он предпочитал, что если и умирать, то вместе.

Так ему не пришлось бы перед смертью волноваться ещё и том, что его возлюбленный когда-

нибуть полюбит другого.

И, по совпадению, Чэнь Шаньвань думал так же.

Когда они подошли к входной двери, и Чэнь Шаньвань распахнул её, то увидел человека в повседневной одежде, но с жёлтым бумажным талисманом в руке и персиковым деревянным мечом* за спиной, загороженного стеной из розовых кустов.

* 桃木劍 (táomù jiàn) - традиционное оружие в китайском фольклоре, используемое даосами и экзорцистами против нечисти.

Бесчисленные чёрные шипы изо всех сил пытались остановить его, но тот с лёгкостью разрушал и нейтрализовывал их.

Чэнь Шаньвань хмурился, глядя на это:

— Тебе не больно?

Юй Суй честно ответил:

— Когда привыкаешь, боль уже не чувствуешь.

Но Чэнь Шаньвань не мог так просто привыкнуть.

Особенно зная, что все эти шипы — часть Юй Суя.

— Ты, нечисть, запятнана тяжкими грехами, бесчисленные души на твоей совести, сегодня я положу конец твоему существованию!

Вслед за этим громким возгласом прямо на них полетел жёлтый талисман.

Юй Суй уже собирался действовать, но Чэнь Шаньвань оказался проворнее, протянул руку и схватил этот амулет.

По логике, раз Чэнь Шаньвань вкушал сердце Юй Суя, эта вещь тоже должна была ранить его.

Но в руках Чэнь Шаньваня талисман стал похож на обычный клочок бумаги.

Более того —

Чэнь Шаньвань с невозмутимым лицом достал ручку, которую схватил на выходе, быстро подправил кое-что на талисмানে и швырнул его обратно. Амулет упал в заросли чёрных роз, не причинив им ни малейшего вреда, но зато шипы, охранявшие эти розы, стали значительно сильнее.

Мужчина уже не мог действовать так уверенно, он поспешно выхватил покрытый магическими надписями персиковый деревянный меч, чтобы защититься.

Но он был потрясён до глубины души:

— Как так?! Юнец, кто ты такой?! Как ты это сделал?!

Чэнь Шаньвань и вправду не понимал, почему тот так поражён:

— Если год походить на уроки древней письменности, тоже научишься.

Разве это не часть древней письменности, относящаяся к категории заклинательных текстов?

Чэнь Шаньвань подумал, что учиться - очень важно.

Авторское послесловие:

Пока что это оригинальная версия~

Вчера моя недавно купленная клавиатура скончалась от моих ударов, обратилась в службу поддержки, и сегодня курьер принёс новую на замену у-у-у, как же хорошо!

Драгоценные, с Праздником середины осени! Сегодня будут праздничные красные конверты!

<http://bllate.org/book/12897/1319839>